

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 316.75 + 82.313.2

СЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»)

О.В. ПАВЛОВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Pavlova179@mail.ru*

В статье рассматривается трансформация понятия «власть» в культурных текстах постмодерна. Автор предпринял попытку описания семиотической модели репрезентации власти на примере романа Т. Толстой «Кысь».

Ключевые слова: власть, репрезентация, постмодернизм, деконструкция, ирония.

Социокультурная ситуация рубежа XX-XXI веков поднимает проблему динамики смыслов культуры. Крушение прежних идеалов, поляризация общества, падение нравов привели к усилению неустойчивости и нестабильности в российском обществе. Современное состояние общества, человека, культуры представляется столь противоречивым и многоликим, что возникает необходимость поиска новых форм исследовательских практик, междисциплинарных исследований, касающихся культуры, языка, общества в целом.

Всякое изменение социально-политической среды в любом обществе сопряжено с изменением форм и символов репрезентации власти. Репрезентация является одной из важных тем современных гуманитарных исследований власти, в рамках которой анализируются взаимоотношения политической и художественной сфер культуры¹. По мнению Карло Гинзбурга, репрезентация – это «инструмент опосредованного познания, который позволяет увидеть отсутствующий предмет путем его замены «изображением», способным воскресить предмет в памяти или «описать» его таким, каков он есть»².

Как уточняет О. Мельникова, «репрезентация, представительство – постоянная черта любой власти. Власть не может функционировать без внешнего образа, формируемого в сознании современников. Созданию этого образа служили государственные церемонии, изобразительное искусство, архитектура, риторика и т. д.»³.

¹ Ямпольский М.Ф. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004. – 800 с.

² Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь / Пер. с фр. Г. Галкиной // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 33. – С. 5.

³ Мельникова О. Образ империи: церемониальные процессии в России в XVII-XVIII вв. (сравнительный анализ) // Образы власти в политической культуре России. М., 2000. С. 58-70.

Репрезентация власти осуществляется в различных знаково-символических формах, в том числе и образах власти как особых символах и знаках. Теоретико-методологические основы исследования власти как предмета репрезентации достаточно разработаны, но в то же время относительно новы.

Обычно первые попытки осмыслить власть связывают с именами Платона и Аристотеля. Платон определил власть как искусство соразмерности, установления порядка, силу и отношения по линии «господство – подчинение». В эпоху Средних веков власть приобретает метафизический характер. Понимание власти формируется под влиянием идей христианства: власть предопределялась Богом (Августин Блаженный, Фома Аквинский). Философская мысль Нового времени предложила основные положения каузальной концепции власти, которая преобладает в современной западной философской, социально-философской и политической мысли (В. Г. Ледяев). Согласно этой концепции, в основе власти лежит воля. В это же время власть начинает рассматриваться с исторических позиций.

Новые подходы к раскрытию феномена власти прозвучали у Ф. Ницше в «Воле к власти. Опыте переоценки всех ценностей». Власть начинает рассматриваться как феномен, коренящийся в человеке, который есть ее источник, она появляется и проявляется в человеке.

Вторая половина XX в. ознаменовалась становлением постнеклассической философии, уходящей от логики субъект-объектного анализа власти, потому что информация и техника из средства деятельности человека превращаются в среду его обитания, и власть, обретая совершенно новые формы, становится вездесущей, невидимой и неуловимой; формируется властный дискурс (Р. Барт, М. Фуко и др.).

В философии постмодернизма происходит трансформация понятия «власть» – перенос акцента с отношений «господство-подчинение» к отношениям «символического принуждения». Ж. Деррида утверждал, что любой текст не является чем-то однозначным и окончательным и может быть подвергнут сомнению и переосмыслению, в нем существуют «спящие смыслы», которые представляют собой некие языковые клише, порождающие соответствующие мыслительные стереотипы. Каждая эпоха по-разному передает смысловую нагрузку этих стереотипов, что приводит к невозможности однозначного прочтения текста. По мнению М.Фуко, «...за всем тем, что говорится, можно обнаружить, как его изнанку, огромное сплетение принудительных интерпретаций»⁴.

Художественные тексты являются предметом продуктивного исследования стратегий смысловой актуализации власти и содержат несколько семиотических пластов. Для анализа материала использовался семиотический подход, который является базой для изучения символов, конструктов, образов. Семиотика предлагает рассматривать власть как знаково-символическую деятельность, требующую расшифровки. Она обращает внимание на необходимость различения формы и содержания властных отношений в обществе.

В основу семиотического анализа художественного произведения положены такие понятия как знак, знаковая система, виды знаковых систем, знаковые отношения, подчиняющиеся трём группам правил: семантическим, синтаксическим и прагматическим. Качество семантических, синтаксических и прагматических связей влияет на процессы смыслообразования. В зависимости от того, как знак связан со своими значениями, с другими знаками и с сознанием читателя, возникают определённые «смысловые эффекты» семиотического функционирования текста.

Тема власти всегда была одной из важнейших в русской художественной культуре. Ее по-разному решали в изобразительном искусстве, литературе, в кино. Образы власти в 90-е годы XX века имели динамику тесно связанную с фундаментальными поворотами в процессе политической эволюции, прежде всего с распадом СССР и «октябрьскими событиями» 1993 года.

Не обошли вниманием рассмотрение этого феномена и писатели русского постмодернизма. Выбор произведения – «Кысь» Т. Толстой – обусловлен тем, что в этом романе

⁴ Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 03.11.2013).

присутствуют все основные признаки постмодернизма. Роман «Кысь» – это одно из наиболее ярких произведений Т. Толстой. Работа над романом продолжалась с 1986 по 2000 годы. По словам автора, замысел родился под впечатлением от чернобыльской катастрофы. В романе отражаются проблемы кризиса духовности в современной России, проявившиеся в экономическом и политическом развитии страны, морально-нравственном облике общества, изменении роли России в мировом сообществе. Писателя волнуют проблемы утраты культурных традиций прошлого и преемственности поколений.

Действие романа происходит в городке Федор-Кузьмичске, который раньше назывался Москвой, через триста лет после Взрыва (глобальной техногенной катастрофы), которая привела к изменению биологических форм жизни на Земле и отбросила общество в эпоху раннего средневековья.

С точки зрения *семантического* измерения, знаками-персонажами в романе можно считать всех жителей Федор-Кузьмичска. Если рассматривать текст как исходную знаковую систему, то в нем можно выделить две большие подсистемы персонажей как знаков: (1) родившиеся и жившие до взрыва; (2) родившиеся после взрыва. За основу, в данном случае, берется группа людей как знаковая система, и ее основными критериями являются: язык (образование); социальное положение (статус).

К группе (1) относятся «прежние» и «перерожденцы».

«Прежних» можно отнести к интеллигенции, прежде всего, по их литературному языку, для которого характерны высокий стиль, ироничность, метафоричность. Интеллигент – это образованный человек, стремящийся претворить в жизнь гуманистические ценности. Это тип людей, которые хранят культуру как абсолютную ценность и необходимость, без чего нельзя выжить и что необходимо хранить любой ценой. Именно такими изображены в романе «Прежние».

Интеллигенция и народ, как и в «довзрывные» времена, говорят на разных языках. «Прежним» в этом новом обществе нет места. Т. Толстая проводит деконструкцию функции интеллигенции – нести в народ просвещение и сохранять культурное наследие прошлого. Интеллигенция в этом отношении – бессильная часть общества, неспособная изменить жизнь к лучшему.

«Прежним» можно противопоставить «перерожденцев», сравнивая их с теми, кто приспособился к новой жизни, и которых подмяла под себя власть. И те и другие родились в одно и то же время и помнят одно и то же, но с одним отличием. «Перерожденцы» сохранили в памяти лишь принципы выживания, которыми они и руководствуются в жизни. Положительные эмоции из прошлого вызывают у них лишь материальные блага, которыми они владели во времена «застоя»: *«У меня сервант был зеркальный... Телевизор Рубин, – трубка итальянская...», «Стенка югославская шурип достал, санузел раздельный, фотообои золотая осень. Линолеум только на кухне, а так все паркетная плитка. Плита трехконфорочная», «Холодильник двухкамерный, пиво баночное... Водка на лимонных корочках, холодная...», «Помидорки кубанские, огурчики эстонские с пупырщиками... Паюсную ели, зернистую западло держали... Ржаной за двенадцать... Иваси с лучком... Чай со слоном... Зефир бело-розовый... Пьяная вишня куйбышевская... Дынька самаркандская...»⁵.*

«Перерожденцы» – это люди из народа, городские низы. Язык перерожденцев грубый, упрощенно-примитивный, насыщенный криминально-жаргонной лексикой. «Перерожденцы» служат у голубчиков. Их, как скот, запрягают в сани и подгоняют кнутом. Они живут в хлеву, что окончательно приравнивает их категории скота: *«Спервоначалу хлев просторный, в том хлеву стойла, а в стойлах перерожденцы. Волосатые, черные, – страсть. Вся шерсть по бокам в колтуны сваямиши. Морды хамские. Кто о прутья бок чешет, кто поило из жбана лакает, кто сено жует, кто спать завалился, а трое в углу в берестяные карты дуются, переругиваются»⁶.*

«Перерожденцы» – тоже выходцы из прошлого, но в отличие от «Прежних» они приспособились под условия жизни, смирились, и это привело к тому, что их положение в обществе даже ниже, чем у простых горожан и они стали рабами местной власти.

⁵ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С. 175.

⁶ Там же. С. 164.

К группе (2) относятся рождённые после взрыва, каждый из которых занимает свое место в социальной иерархии Федор-Кузьмичска. На вершине социальной пирамиды находится Набольший Мурза Федор Кузьмич. Он единственный в городе имеет доступ к старопечатным книгам и добивается высокого положения, присваивая себе результаты чужого творчества: *«Кто сани измыслил? Федор Кузьмич. Кто колесо из дерева резать догадался? Федор Кузьмич. Научил каменные горшки долбить, мышей ловить да суп варить. Дал нам счет и письмо, буквы большие и малые, научил бересту рвать, книги шить, из болотной ржавы чернила варить, палочки для письма расцеплять и в те чернила макать. Научил лодки-долбленки из бревен мастерить и на воду спускать, научил на медведя с рогатиной ходить, из медведя пузырь добывать, растягивать тот пузырь на колках и этой плевой окна крыть, чтобы свету в окне и зимой хватало»*⁷.

Для «голубчиков» (это те, кто родился после взрыва) Федор Кузьмич – жрец-демиург, его имя сакрализуется. К словесным символическим знакам власти можно отнести различные формулы обращения к представителям власти. Наличие в речи голубчиков присловья «слава ему» воспринимается как обожествление правителя, как культ личности, хотя смысловой нагрузкой оно не несет. Слова эти звучат безотносительно к действительному положению дел и сохраняются в момент «свержения» и даже после его смерти: *«Бенедикт крутанул и выволок из-под полки Набольшего Мурзу, долгих лет ему жизни»*⁸. Почтительные формулы в романе Толстой это лишь симулякры, потерявшие связь с означаемым, что приводит к пониманию того, что любовь русского народа к правителю это лишь симулятивные игры.

По мнению исследователей, повествование о Федоре Кузьмиче представляет собой проекцию мифа о культурном герое, мифическом персонаже, который добывает и создаёт для людей различные предметы культуры (огонь, орудия труда), учит их ремёслам, искусствам, вводит определённую социальную организацию, ритуалы и праздники.

Так, Т. Давыдова считает, что в образе Фёдора Кузьмича спародирован миф о культурном герое, которым в русской традиции выступает Пётр Великий: «Фёдор Кузьмич Каблуков безуспешно подражает ему и некоему обобщённому деятелю русской культуры. В противоположность гиганту-царю «ростом Фёдор Кузьмич не больше Коти, едва-едва Бенедикту по колено». Указы Фёдора Кузьмича о праздновании Нового года и Восьмого марта – пародия на указы Петра Великого и советских государственных деятелей. Речь Каблукова имеет макаронический эффект: высокая книжная лексика стихов, «сочинённых» Каблуковым, причудливо перемешана в ней с просторечиями»⁹.

Однако Т. Толстая не однажды говорила о том, что не следует искать в образах романа прямой параллели с конкретными историческими событиями и лицами. Фёдор Кузьмич – это собирательный образ любого тирана, который решил присвоить себе достижения предшествующих эпох, но нельзя однозначно отрицать и черт пародии в его образе.

В описании правителя проступают физическое уродство и убогость, которые подчеркивают не силу, а ущербность. Обладая очень маленьким ростом, Набольший Мурза имеет неограниченную власть. Смерть Набольшего Мурзы происходит нелепо и не соответствует масштабу власти, которая была у него при жизни. Несоответствие описания внешности реальному величию и нелепость гибели Набольшего мурзы приводит к деконструкции образа власти за счет разрушения семантической связи «физическая сила» – «властные полномочия».

Символом власти могут служить указы Набольшего мурзы. Тексты указов, являясь апофеозом жёсткой оформленности и ритуальности, дословно повторяют этикетную формулу: *«Вот как я есть Федор Кузьмич Каблуков, слава мне, Набольший Мурза, долгих лет мне жизни, Секлетарь и Академик и Герой и Мореплаватель и Плотник, и как я есть в непрестанной об людях заботе, приказываю...»*. Объектом пародии является «ограниченное, убогое, зиждущееся исключительно на плагиате, эксплуатации достав-

⁷ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С.19.

⁸ Там же. С. 292.

⁹ Давыдова Т. Т. Роман Т. Толстой «Кысь»: проблемы, образы героев, жанр, повествование // Русская словесность. – 2002. – №6. – С. 28.

шихся в единоличное пользование текстов прежней культуры, сознание Набольшего мурзы».¹⁰

Для «голубчиков» Набольший Мурза – культурный герой, но для читателей он антигерой-трикстер. Он одновременно творец и разрушитель. Он не знает ни добра, ни зла, хотя и несет ответственность и за то, и за другое. Именно с его согласия происходит духовный и интеллектуальный распад общества.

Общение власти с подданными всегда оформлено как некий ритуал, предполагающий соблюдение установленных правил, например эпизод приезда Набольшего мурзы в Рабочую избу: *«Гонцы той порой с саней поскакивали, и давай расстилать, чего с собой повезли: половики камчатные, узорные да плетеные по всей Избе раскатали; и на крыльце половик, и с крыльца половик; мигом снег вокруг избы утоптали и медвежьими шкурами вроде как полукруг выложили; благолепие такое, что вот сейчас умри, и не пожалеешь»*¹¹.

«Головой по сторонам повертел и прыг на колени к Оленьке. А она его поперек живота ухватила, как Котю, и держит. Не боится.

– Крепче держи, а то свалюсь, ага, – говорит Федор Кузьмич. – Под микитки держи, двумя руками. Только не щекоти, ага».¹²

В этом эпизоде автор использует игру слов для создания иронического отношения к власти. Выражение «взять под микитки» в буквальном смысле – «ударить под ребра», «схватить подмышки», но употребляется в значении «скрутить», «связать», «арестовать», «силой или властью заставить, принуждать кого-либо делать что-либо».

На следующей ступени социальной иерархии – «большие» и «малые мурзы». Они поставлены надзирать за «голубчиками». «Большие» и «малые мурзы» являются лишь исполнителями воли «Набольшего Мурзы», который выступает еще и в роли законодателя.

«Малые мурзы» формируют чиновничий аппарат и несут государственную службу в сфере обеспечения правопорядка, торговли, выплаты пособий и взимания налогов. В описании жизни и деятельности «мурз» угадываются образы представителей министерств, исполкомов, администраций на местах, как в советской, так и современной России и напоминают о злоупотреблении властью: *«Вот ждем мурзу, еще придет ли? Чуть где в улочках снег пылит, сани мелькнули, – кричат: едет! Не едет! Точно он, его шапку видать! и разное такое. Волнение большое. Коли до вечера не придет, – так и разойдемся, а коли изволил глаза продрать, – ну, быть голубчику с получкой»*¹³.

Вся система организации социума – это пародия на российское общество в прошлом и настоящем. В образах правителей зафиксированы характерные легкоузнаваемые черты реальных высокопоставленных чиновников: неуважение по отношению к нижестоящим на социальной лестнице, волокита при принятии решений, корыстолюбие.

К поведенческим символическим знакам власти относится привилегия ездить на санях и носить медвежьи шубы, которой обладают только «мурзы»: *«Только медвежью шкуру да мясо взять себе не могли: малые мурзы зорко надзирают. Не дело простому голубчику медвежью шкуру носить. И то понять надо: как же мурзе без шубы в санях ездить? Живо обморозится. А мы пешком бегаем, нам жарко, глядишь – и зипун расступонишь, упаришься. Хотя другой раз и засвербят пушкетные мысли: вот бы и мне сани, да шубу, да... Но это все своеволие»*¹⁴. Т. Толстая посредством применения пастиша создает иронию для пересмотра истории и разрушения традиционных мифов.

«Санитары» как социальный класс ассоциируются с карательными органами, которые «лечат» тех, кто читает запрещенные книги и проявляет малейшие признаки своеволия, вызывают бесконечный страх и ужас у простых жителей: *«Вдавись бы в землю, в глину уйти, слепым червырем стать – только бы не меня! Не меня, не меня, не меня,*

¹⁰ Воробьева С.Ю. Палимпсест в художественной структуре романа Т.Толстой «Кысь» // Вестник ВолГУ. – 2006. – Серия 8, Вып. 5. – С. 128.

¹¹ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С. 28.

¹² Там же. С. 25-26.

¹³ Там же. С. 35.

¹⁴ Там же. С. 19-20.

не меня!»¹⁵. «Санитары» занимаются очищением общества от остатков прежней культуры. Нарушение связи «знак» – «значение» приводит к деконструкции образа власти: те, кто призван лечить («санитары»), убивают.

Титул «Главного санитаря Кудеяр Кудеярыча» отсылает нас к образу Сталина («Генеральный Санитар и Народный Любимец», жизнь, здоровье, сила), а также к «титулам» советских высокопоставленных политических деятелей (например: Генеральный Секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, многожды Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда товарищ Леонид Ильич Брежнев)¹⁶. В устном народном творчестве Кудеяр – легендарный разбойный персонаж русского фольклора. По одной из версий, Кудеяр был борцом за правду, который отбирал у богатых нажитое чужим трудом и раздавал крестьянам. Авторская ирония заключается в том, что мифический образ не совпадает с реальным образом «Главного санитаря» в романе.

Интересно мнение Н. Эскиной, которая сравнивает семейство Кудеяровых с кошками (светящиеся в темноте глаза, когти). Это провоцирует сравнение «голубчиков» (простого народа) с мышами. Показательно описание «государственного подхода» и отношения власти к «голубчикам» в эпизоде, когда Бенедикт, проявляя излишнее рвение в профессии санитаря, получает замечание от «Главного санитаря»: *«умерься, зять, всех лечить заберем – кто работать будет? Дороги чистить, репу садить, туюса плести? Подход у тебя негосударственный: все норовом! Все рывком! да сразу! да сейчас! – так только народ перепугаешь, разбегутся! Ты мышей ловил? Науку знаешь? – то-то!»*¹⁷.

«Голубчики» – это те, кто родился после взрыва. Они представляют самый широкий класс населения. Они говорят на примитивном, полуграмотном наречии и с удовольствием употребляют ненормативную лексику. Взаимоотношения между «голубчиками» основаны на взаимном недоверии. Их всех объединяет отсутствие внутри нравственного закона, девиация этических понятий. В обществе нарушена иерархия ценностей: душевное безразличие, зависть, грабеж, воровство, узость интересов нормы жизни и поведения голубчиков. Их отличает инфантильность, покорность судьбе и властителям. Они неспособны жить самостоятельно и только «Набольший Мурза» способен устроить их благополучие, внедряя время от времени новое изобретение, издавая указы, регламентирующие их жизнь. Без начальника они не могут: *«А без мурзы нельзя, без мурзы мы все перепутаем»*¹⁸.

Главный герой романа – «голубчик Бенедикт» работает писарем в Рабочей Избе, где «перебеляют», то есть переписывают произведения, созданные Набольшим Мурзой Федором Кузьмичом. Плюс его состоит в том, что он с детства знает грамоту и умеет читать. Никита Иванович постепенно приобщает его к культуре, на своем примере, разговаривая о философии, создавая памятник Пушкину и т.д. Отношения, складывающиеся между «голубчиками» на бытовом уровне, зависят от материального благосостояния. Достояние является основным критерием отбора кандидатур для общения и ближайшего окружения.

Значительной разницы между «перерожденцами» и «голубчиками» не существует – и те и другие имеют ограниченность ума, косность мышления, непреодолимое упрямство, и те и другие не признают общепринятые нормы морали.

Отношение к власти у «прежних» и «голубчиков» различается. Никита Иванович самовольно расставляет столбы на исторически значимых местах, смеет высказывать свое мнение в присутствии мурз, не сразу выполняет приказ Федора Кузьмича разжечь огонь. Но открыто своё неприятие власти и существующей системы государственного управления «прежние» не высказывают. «Голубчики» относятся к власти с уважением, которое основано на страхе.

В Федор-Кузьмичске богатство и бедность сосуществуют на равных правах: *«Там и сям – черные избы вереницами, – за высокими тынами, за тесовыми воротами; на колях каменные горшки сохнут, или жбаны деревянные; у кого терем повыше, у того и жбаны поздоровей, а иной целую бочку на кол напаялит, в глаза тычет: богато живу,*

¹⁵ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С. 45-46.

¹⁶ Соколова О. О некоторых аллюзиях в лексических единицах романа Татьяны Толстой «Кысь». URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_20_443 (дата обращения: 13.11.2013 г.)

¹⁷ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С.222.

¹⁸ Там же. С. 110.

голубчики! Такой на работу не пешедралом трюхает, а норовит в сани проехаться, кнутом помахивает; а в сани перерожденец запряжен, бежит, валенками топочет, сам бледный, взмыленный, язык наружу»¹⁹. Федор-Кузьмичск показан как отдельная страна, он неприступен для окружающего мира. В этом слышен отголосок советского общества с железным занавесом. Вместе с тем в «Кыси» есть и реалии современной внутриполитической жизни России (упоминание о чеченцах).

Порядок в обществе строится на тотальном страхе, который распространяется на всех на добровольном и сознательном принятии его норм большей частью населения («голубчиков»). В Федор-Кузьмичске царит строгий закон, главный герой Бенедикт уверен в его необходимости и постоянно рассуждает об этом «А государственный подход – это чтоб строго-настрого указать, чтоб выходной, ни Боже мой не в субботу случался, ни Боже мой не в пятницу, ни Боже мой не в четверг, ни Боже мой не в среду, ни Боже мой не во вторник, ни Боже мой не в понедельник. Так укажут, – и так и будет, потому как на то и государство, его же сила и слава и власть земная, во веки веков, аминь»²⁰.

В споре «прежних» и «перерожденца» Тетери обнаруживаются установленные порядки, по которым легко узнаются приметы современного времени: деспотизм режима и издержки диктатуры пролетариата:

«- При Сергей Сергеиче порядок был, – сказал Бенедикт.

– А то! – отозвался тесть.

– Больше трех не собирались.

– Ни в коем случае.

– А сейчас все умные стали, книги читают, распустились. Федор Кузьмич всех распустил, слава ему».²¹

Предшествующие правители мало чем отличались от Фёдора Кузьмича, ничего не изменится и с его свержением. На смену ему приходит Кудеяр Кудеярыч, первые указы которого устанавливают те же порядки, что были при Сергее Сергеиче.

Книга в романе выступает как атрибут власти: имеющий книги – имеет власть. Бенедикт абсолютизирует книгу как средство избежать нашествия «Кыси». Ради книги герой готов на все: «Что бы вынес ты из горящего дома?...». Любовь к книгам у Бенедикта – единственная страсть, ради которой он готов на любую жестокость. Стремление к чтению, желание постичь смысл читаемого не приводят главного героя к духовному и нравственному росту, а наоборот, способствует разрушению его человеческой сущности, превращает его в «кысь». Г.Л. Нефагина отмечает: «В романе «Кысь» книга становится главным орудием управления, власти. Перо приравнивается к штыку – если раньше власть держалась на оружии, то теперь «оружия любимейшего род» – книга. Все (или почти все сохранившиеся печатные книги) принадлежат карлику Федору Кузьмичу. Он, благодетель, запретил голубчикам иметь старопечатные книги. То, что Набольший Мурза посчитает нужным, будет рукописным путем размножено, выдано за плод ума Федора Кузьмича и только тогда попадет к жителям. Печатные книги запрещено читать, ибо это чревато Болезнью, некоей заразой, против которой борются бдительные Санитары с крюками. Когда-то, сразу после Взрыва, книги отбирались у людей, так как были источником радиации. Но по прошествии трехсот лет они стали в этом отношении безвредными. Однако всякий правитель знает, что книги рождают способность думать, а это очень опасно для власти. Поэтому миф о Болезни, которую несут книги, поддерживается и всячески раздувается. Если у кого-то находят книгу, то ее отбирают, а человек исчезает (нет человека – нет проблем!)»²².

Далее мы рассмотрим систему индексальных знаков в романе. Индексальные знаки, по Пирсу, «характеризуются реальной зависимостью от некоего единичного объекта, на который они указывают». Чарльз Моррис уточняет понятие индекса, формулируя, что индекс способен указывать на некий объект, не называя его и не описывая его свойства.

¹⁹ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С. 110.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ Там же. С. 235-236.

²² Нефагина Г. Л. Русская проза конца XX века: учебное пособие / Г.Л. Нефагина. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 139 – 140.

Сложность перевода проблемы определения знаков-индексов в плоскость конкретных примеров возникает из-за многозначности понятия «власть».

Если понимать власть как «насилие», то индексальным знаком в тексте можно считать понятие «крюк», так как он выступает в качестве орудия насилия. Индексами власти как «авторитета» и «уважения» в тексте является почтительная формула «слава ему, долгих лет жизни», которая употребляется каждый раз, когда речь идет о правителе Федоре Кузьмиче. Примеры парадоксальности употребления данной формулы были описаны выше. Можно также выделить знаки-индексы государственной власти, которыми выступают в романе «указы» Набольшего мурзы и знаки-индексы власти как богатства, к которым относятся «сани», «терема», «горшки», «шубы» и т.д., все то, что означает высокое материальное, а значит и властное положение и указывает на обладание высокого социального статуса.

Итак, мы выделили некоторые элементы системы индексальных знаков участвующих в создании образа власти. Для определения семиотической модели репрезентации власти нам важно установить, какие индексы преобладают и как они связаны между собой и другими знаками, что и формирует определенное представление о власти. По степени участия знаков-индексов в сюжетах описания образов власти мы выяснили, что преобладают индексы власти «слава ему» (авторитет и уважение). Но как мы уже отмечали, в большей степени употребление этой формулы (обращения к правителю) происходит безотносительно к действительному положению – это лишь симулякры. Для «голубчиков» употребление данного обращения-присловия – это симулякр уважения, а для читателя признак иронической деконструкции. Не менее важным по степени участия в создании образов власти в тексте является знак-индекс «крюк», который отображает власть как насилие.

Анализируя связи, возникающие между знаками, мы выяснили, что преимущественно знак-индекс «слава ему» (*власть как авторитет*) используют «голубчики». Только «санитары» применяют «крюки» в отношении «голубчиков» (*власть как насилие*). Право издавать «указы» есть только у «Набольшего мурзы», тем самым он узурпирует и легитимирует узурпированную власть (*власть как тоталитарное государство*). Таким образом, индексальный знак «крюк» «подтверждается» индексом «указ», которые в свою очередь вместе продуцируют индекс «слава ему», что позволяет сделать вывод о том, что уважение к власти репрезентируется в романе как основанное на страхе.

«Власть-страх» обнаруживает себя и на *прагматическом уровне* в образе «Кысь», рассказ о которой создан как народная легенда. «Сидит она на темных ветвях и кричит так дико и жалобно: кы-ысь! кы-ысь! – а видит ее никто не может. Пойдет человек так вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! и хребтину зубами: хрус! – а когтем главную-то жилочку нащупает и перервет, и весь разум из человека и выйдет»²³.

Этого зверя боятся все обитатели городка. В романе образ «Кысь» воспринимается как некая сила, которой люди приписывают все свои беды, все, что они не могут объяснить. С развитием сюжета «Кысь» подбирается к главному герою Бенедикту все ближе и ближе. После «встречи» с «Кысь» Бенедикт приобщается к занятию санитаров, берется за крюк, садится в красные сани и едет с Кудеяровым «лечить людей», изымать запрещенные книги. После этого отношения вступают в новый этап развития – «Кысь» переходит в новую фазу существования. Когда Бенедикт устраивает расправу над Федором Кузьмичем, то он сам уподобляется «Кысь».

Если говорить о значении этого образа, некоторые исследователи считают, что «Кысь» – это сочетание всех низменных инстинктов в человеческой душе. Другие говорят, что «Кысь» – прообраз русской мятущейся души, которая вечно ставит перед собой вопросы и вечно ищет на них ответы. Третьи, описывают «Кысь» как человеческое невежество, примитивизм духа, невозможность и нежелание саморазвития, познания культурного опыта предшествующих поколений. Как неумение выбраться из круга собственных страстей, посмотреть на себя со стороны и попытаться изменить, что-то в своей жизни к лучшему.

По мнению П. Ладохина, «Кысь – не одухотворенное существо, а часть души. Кысь – это эгоизм человеческий, а не животный. Кысь – человеческое, к сожалению, явление,

²³ Толстая Т. Кысь: роман. М.: Подкова – Иностранка, 2000. С. 7.

способность убить, оправдывая убийство высшими целями, это – оторванность от прошлого, от опыта поколений, это жалобный и озлобленный взгляд в беспредельность»²⁴.

Знак-символ «Кысь» можно интерпретировать как внутренний страх-власть. Для Т. Толстой власть – это совершенно личный, персональный страх, мифологизированный, объективированный, репрезентированный в образе «Кысь». «Антропоморфные» объекты власти в романе являются мишенью для насмешек, они смешны, уродливы и жалки, а образ «Кысь» не подвергается иронии автора. Для репрезентации власти в романе характерно то, что семантически десакрализованная власть (ироничное описание, парадоксальное изображение и т.п.) перестает быть властью. Реальная власть в романе – не нелепые мурзы, а ненаблюдаемая субстанция, страх. То есть власть обнаруживает себя не на семантическом или синтаксическом уровне, а на уровне прагматическом (на уровне связи «знак» – «сознание», а не «знак-значение» или «знак – знак»). В романе изображены механизмы осуществления тоталитарной власти, читатель получает достаточное представление о тех, кто ею обладает. Автор использует разнообразные приемы сатирического изображения, вызывающие многочисленные ассоциации, что способствует более яркому раскрытию образов.

В условиях кризиса происходят изменения в символической сфере и некогда действенные символы лишаются статуса культуuroобразующих феноменов. Характерной чертой постмодернистского текста является пародирование разных культурных феноменов. Сказочность романа Толстой – это типичный пример постмодернистской иронии. Ирония, являясь характеристикой феномена, в то же время выступает в качестве критической формы бытия культуры. Для посткультуры характерно не столько осмыслить проблемы власти в прошлом и настоящем, сколько десакрализовать образы прошлого и подойти к ним с постмодернистской иронией.

Список литературы

1. Воробьева С.Ю. Палимпсест в художественной структуре романа Т.Толстой «Кысь» / С.Ю. Воробьева // Вестник ВолГУ. – 2006. – Серия 8. – Вып. 5. – С. 125-131
2. Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь / Пер. с фр. Г. Галкиной / К. Гинзбург // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 33. – С. 5.
3. Давыдова Т. Т. Роман Т. Толстой «Кысь»: проблемы, образы героев, жанр, повествование / Т.Т. Давыдова // Русская словесность. – 2002. – №6. – С. 25-31
4. Ладохин П. Кыш, Кысь, кыш! / П. Ладохин // Русская словесность. – 2002. – №1. – С. 39-41
5. Мельникова О. Образ империи: церемониальные процессии в России в XVII-XVIII вв. (сравнительный анализ) / О. Мельникова // Образы власти в политической культуре России. – М., 2000. – С. 58-70.
6. Нефагина Г. Л. Русская проза конца XX века: Учебное пособие / Г.Л. Нефагина. – М.: Флинта: Наука, – 2003. – С. 139 – 140.
7. Соколова О. О некоторых аллюзиях в лексических единицах романа Т.Толстой «Кысь». URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_20_443 (дата обращения: 13.11.2013 г.)
8. Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. – М.: Подкова, 2001. – 318 с.
9. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 03.11.2013).
10. Ямпольский М.Ф. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима / М.Ф. Ямпольский. – М., 2004. – 800 с.

SEMIOTIC REPRESENTATION OF POWER IN POSTMODERN CULTURE TEXTS (THE CASE OF T.TOLSTAYA'S NOVEL "KYS")

O.V. PAVLOVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Pavlova179@mail.ru

The paper considers the transformation of the concept "power" in postmodern culture texts. The author presents the results of description of semiotic representational model of the power on the example of T. Tolstaya's novel "Kys".

Key words: power, representation, postmodernism, deconstruction, irony.

²⁴ Ладохин П. Кыш, Кысь, кыш! / П. Ладохин // Русская словесность. – 2002. – №1. – С.40.